

Клод Адриан Гельвеций

СЧАСТЬЕ

ПОЭМА

Перевод сделан с текста парижского пятитомного издания сочинений Гельвеция (Oeuvres d'Helvetius, tome cinquieme. Paris, Briand, l'an deuxieme de la Republique – второй год Республики).

Приведено по тексту

Государственного издательства

«Художественная литература»

Москва, 1936

Перевод и вступительная статья М.А.Дынника

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения*

О боевой фаланге французских материалистов и атеистов XVIII в. Гельвеций занимает место значительное и почетное. Он принадлежит к левому крылу просветителей, представленному такими крупнейшими материалистами, как Ламеттри, Дидро и Гольбах. Вместе с ними он отражает интересы французской буржуазии на путях к революции 1789 г. Вместе с ними он ведет ожесточенную борьбу против идеологии феодализма. Вместе с ними он заостряет свое внимание и критику, в первую очередь, на теологии и религии.

Ламеттри превосходит его глубоким знанием биологии человека, истолкованного по-картезиански с элементами локковской философии.

Дидро превосходит его громадным историческим значением вдохновителя, организатора и руководителя Энциклопедии, а также — в теории — яркими проблесками диалектики.

Гольбах превосходит его широтой теоретического охвата и популярностью изложения основ нового мировоззрения, штурмовавшего Бастилии теологии.

Но всех этих блестящих буржуазных мыслителей предреволюционной Франции, всех этих крупнейших материалистов XVIII века превосходит Гельвеций своим особенно живым интересом к общественной жизни, перемещением центра внимания с философии природы на философию общества.

Его мировоззрение страдает всеми чертами ограниченности материализма XVIII в. Оно созерцательно, метафизично и механистично. Это — материализм «снизу» — в понимании природы и идеализм «сверху» — в понимании общества. И все же Гельвеций ближе всех своих соратников по идеологической борьбе подошел к проблеме преодоления именно последнего недостатка метафизического материализма XVIII в., хотя и он не в силах был эту проблему не только разрешить, но и верно поставить.

Именно в этом видит заслугу Гельвеция Маркс.

«У Гельвеция, тоже исходящего из Локка, — пишет Маркс, — материализм получает настоящий французский характер: он непосредственно применяется к общественной жизни (Helvetius, «De l'homme»). Чувственные впечатления, себялюбие, наслаждение и правильно понятый личный интерес составляют основу морали. Природное равенство человеческих духовных способностей, единство успехов разума с успехами индустрии, природная доброта человека, всемогущество воспитания — вот главные моменты его системы».

Гельвеций известен главным образом своими философскими произведениями «Об уме» и «О человеке», где он стилистически блестяще развивает идеи своего материалистического мировоззрения. Вместе с тем, однако, значительный интерес представляют и поэтические его произведения, характерные не только для периода его философского становления, но и для взглядов зрелого мыслителя, подводящего итоги всей своей деятельности материалиста и атеиста. Все это заставляет нас обратиться к специальному изучению его поэтического творчества.

При изучении как прозаического, так и стихотворного литературного наследия Гельвеция совершенно естественно поставить вопрос о периодизации его творческой деятельности. Общепризнанным является ее деление на два периода: первый — «юношеский» — период поэтического творчества и второй — «зрелый» — период творчества философского. Однако подобная периодизация при внимательном изучении источников его биографии оказывается поверхностной и даже неверной.

Действительно, Гельвеций уже двадцатилетним юношей пишет стихи и, хотя первые его стихотворные опыты не сохранились, этот факт не может подлежать сомнению. Философское произведение «Об уме» опубликовано Гельвецием лишь в 1758 г., т.е. в сорокатрехлетнем возрасте. Казалось бы, это дает полное основание для установления периодов: «юношеского» — поэтического и «зрелого» — прозаического.

Не менее важно и то, что последняя песнь поэмы, а также и некоторые ее отрывки были созданы поэтом-философом уже накануне смерти, после написания философских работ «De l'esprit» и «De l'homme».

Таким образом, поэтическое творчество Гельвеция; в особенности поэма «Счастье», связано с годами его зрелости в значительно большей степени, чем это обычно принято думать.

Гельвеций-поэт и Гельвеций-философ — это некоторое органическое единство, характерное для его мировоззрения: если первые поэтические произведения показательны для его философского становления, то, с другой стороны, его позднейшее поэтическое творчество отражает мировоззрение законченного философа-материалиста.

Марксистско-ленинская история философии и литературы XVIII в. не может пройти мимо такого значительного явления «эпохи просвещения», как философская и антирелигиозная поэма Гельвеция «Счастье».

При всех характерных для XVIII в. чертах аллегоричности и дидактичности, отличающих это произведение, при ряде длинных и отдельных неудачных переходов и выражений, при известной устарелости образов, эта поэма, написанная звучным александрийским стихом, до настоящего времени не утратила поэтического блеска и художественного значения.

Обратимся к важнейшим положениям философии Гельвеция, поскольку они изложены им в таких его произведениях, как «Об уме» и «О человеке».

Основной философский вопрос в этих произведениях Гельвеций разрешает материалистически. Единственным источником нашего знания он считает впечатления, или ощущения, получаемые органами чувств; память, которая их сохраняет, облегчает деятельность мышления. Таким образом, он целиком придерживается того взгляда, что нет ничего в нашем уме, чего не было прежде в наших ощущениях. В этом отношении он близок к Дидро и Гольбаху, ибо, в свою очередь, источникам ощущений признает объективную реальность материи. Что касается заблуждений, то они являются результатом человеческих страстей, невежества или злоупотребления словами.

Переходя к вопросу о наиболее широком понимании ума и считая, что рассмотрение его как какой-то коллекции понятий совершенно неудовлетворительно, Гельвеций ставит вопрос о социальной основе всех человеческих знаний, поступков и оценок. Движущей пружиной общественной жизни он считает интерес: интерес индивидуальный и социальный; правильно понятое себялюбие приводит к соблюдению интересов общества.

Именно здесь Гельвеций находит основание для тех революционных выводов, которые он впоследствии выражает в своем знаменитом сравнении общества с кораблем («De l'homme»).

Если на корабле, лишенном провианта, начинается голод, угрожающий смертью, то единственный выход — это бросить жребий и пожертвовать немногими для спасения большинства, — в аллегорической форме он признает право нации на революцию против господствующей кучки, запятнавшей себя преступлениями.

Мораль Гельвеция, продолжающего античную этику Эпикура, определяет добродетель через пользу, как источник законов, нравов и обычаев. Всесторонняя польза — это в первую очередь польза экономическая, на основе которой и развивается добродетель, — как истинная, так и «добродетель предрассудков». Свой век Гельвеций определяет как господство «добродетели предрассудков», как господство религии и вредных для народа законов, вплотную подходя к критике политического режима. Так как нравственность, говорит он, зависит от государственного устройства, то, следовательно, путь к истинной добродетели состоит в замене вредных для народа законов законами ему полезными. Новое законодательство должно положить основание для новой нравственности. Век просвещения может выработать эти новые законы, а просвещенный король должен провести их в жизнь.

Как достоинства, так и недостатки мировоззрения Гельвеция выпукло выражены в этих его политических выводах.

Громадного внимания заслуживает его учение о воспитании, целиком построенное на основе его общефилософских и социальных взглядов. Ум человека, по Гельвецию, — это не дар природы, но единственно результат воспитания. Даже Дидро выступил против этого положения Гельвеция, считая его односторонним. Однако глубина взглядов Гельвеция несомненна. Под воспитанием он понимает социальные условия жизни человека. Сюда входит политическое устройство общества, воздействие окружающих людей и всей современной культуры, а в конечном итоге — случайности, являющиеся результатом столкновения ряда причин, которых мы точно не знаем.

После подробного и обстоятельного анализа страстей, которые он признает источником социального развития, он приходит к выводу, что практической целью воспитания является такое воздействие на человеческие страсти, такое политическое и социальное воздействие на людей, которое позволило бы им достигнуть счастливой жизни в результате политического переустройства общества.

Маркс отмечает громадную историческую заслугу Гельвеция в этом вопросе, указывая, что французский материализм XVIII в. является предшественником социалистических и коммунистических учений утопизма.

Наибольшего развития и углубления это учение достигает в сочинении «О человеке». Уже в первой работе — «Об уме» — Гельвеций устанавливает значение воспитания, во второй же работе — «О человеке», опубликованной после его смерти, — он рассматривает этот вопрос особенно детально и основательно. Он высказывает здесь парадоксальную с первого взгляда мысль о том, что воспитание начинается уже с момента зарождения ребенка, уже во чреве матери. Так как все знание получается человеком из ощущений, то, следовательно, уже в детстве ребенок получает мощное воздействие от всей окружающей его среды. Отсюда — громадное воспитательное значение политического строя, громадная отрицательная роль, которую играет религия. Так как воспитание во времена Гельвеция во Франции, — да и в других странах, — находилось в руках духовенства, то отсюда становится вполне понятным, что критику господствующей системы воспитания он тесно связывает с общими выступлениями против религии.

Источник происхождения и развития религии, по Гельвецию, заключается в обмане. Сколь ни слаб этот взгляд французского материализма с научной точки зрения, однако он играл громадную просветительную роль и был весьма прогрессивен в XVIII в.

Свои выступления против религии и духовенства Гельвеций обосновывает не только критикой религии, искажающей правильное миропонимание, не только изображением политических и социальных преступлений духовенства, но также и рядом разоблачений экономической деятельности монастырей и церквей. Приводя громадные цифры доходов, получаемых духовенством, он вскрывает жестокую эксплуатацию церковью народных масс. Выдвигая одновременно в качестве основного принципа социального строя неприкосновенность частной собственности, жизни и свободы, Гельвеций тем самым выступает как типичный идеолог французской буржуазии XVIII в.

Основные положения материалистической и атеистической философии Гельвеция нашли себе выражение в его поэме, в особенности в ее последней части. Поэтому перевод этой поэмы на русский язык должен способствовать осуществлению тех задач, которые поставил Ленин в своем письме в редакцию журнала «Под знаменем марксизма». Просветительная литература XVIII в., произведения материалистов-метафизиков до настоящего времени не потеряли своего значения как орудия антирелигиозной пропаганды в широких массах трудящихся.

В этом смысле и поэма Гельвеция, в ярких образах раскрывающая преступления служителей религии, должна сыграть роль значительную и неоспоримую.

Нужно отметить, что первым поэтическим образцом и наставником молодого поэта Гельвеция был Вольтер. Именно к Вольтеру неоднократно обращался Гельвеций за советами относительно своего поэтического творчества. Сохранились письма Вольтера, в которых он благосклонно отзывается о первых стихотворных опытах Гельвеция, дает ему советы, указывает ряд недостатков и недочетов, а вместе с тем восторженно говорит о его поэтическом даре. В дальнейшем, однако, рост материалистического мировоззрения Гельвеция значительно охладил восторги деиста Вольтера. В специальной литературе высказывалось соображение, что Вольтер якобы преувеличивает поэтические способности Гельвеция и что его положительный отзыв в значительной мере неискренен. Этот вопрос приводит нас непосредственно к проблеме исторического значения поэтического творчества Гельвеция.

Историки литературы и историки философии одинаково его игнорировали. Если историки литературы обходят молчанием как его послания, так и его поэму, то историки философии, упоминая об этих его произведениях, обычно отмечают их якобы незначительные поэтические достоинства и недооценивают их познавательное значение.

Первыми поэтическими опытами Гельвеция были «послания»: послание к маркизе дю Шатле «О любви к науке», к Вольтеру — «Об удовольствии», послание «О лени и гордости ума», послание «О ремеслах» («Epttre sur les arts»), «О суеверии». В продолжение нескольких лет пользуясь указаниями Вольтера, он обрабатывал эти произведения и стремился придать им законченный вид. Уже непосредственно как переход к работе над трактатом «Об уме», он создал, хотя и не закончил, поэму «Счастье».

Поэма «Счастье» состоит из четырех песен, хотя в некоторых изданиях в нее включены два его послания, и, таким образом, получается шесть песен.

В первой песне поэт обращается к олицетворению мудрости с просьбой указать ему, где он найдет счастье. Во всей первой песне он занимается разрешением проблемы, можно ли найти счастье в любви и честолюбии. Поэт признает, что любовь и знатность — предмет честолюбия — являются источником удовольствия и в этом смысле при поверхностном взгляде могут быть признаны основой счастья. Однако в результате он приходит к выводу, что счастье нужно искать в другой области:

*Средь удовольствий ли, у власти ли высот,
Скажи мне, человек счастливый край найдет
О, Мудрость! Разреш скорей мои сомненья
И укажи мне путь в счастливые селенья!*

В духе галантной поэзии XVIII в. поэт изображает наслаждения любви. Картины чувственных наслаждений показывают, что Гельвеций был талантливым поэтом XVIII в., эти его стихи напоминают картины Буше и Фрагонара. Однако, следуя за Эпикуром, который в значительной степени является философским источником его мировоззрения и, в частности, взглядов, проводимых в поэме, он отказывается любви в праве на ю, чтобы считаться основой счастья. Очень ярко изображая разочарование в любви, он переходит к вопросу о том, не честолюбие ли приносит счастье. Но и здесь он не находит ответа на основной вопрос всей поэмы.

Во второй песне поэт занимается вопросом о богатстве как основе счастья. Снова следуя за Эпикуром, поэт заявляет, что для человека, поставившего своей целью накопление богатства, счастье совершенно недоступно. Особенно интересна вторая половина второй песни, где ярко сказываются антирелигиозные тенденции поэмы. Очень удачно в нескольких строках поэт характеризует теогонические учения древности — системы Зороастра и Гезиода. Здесь находит свое выражение общий взгляд просветителей на религию как на результат сознательного обмана жрецов. Материализм Гельвеция явственно проступает в критике, которую он дает учению Платона. Идеализму он противопоставляет английский эмпиризм, непосредственно упоминая имя Локка.

Философия сенсуалиста Локка, связывающая английский материализм XVII в. с французским материализмом XVIII в., привлекает к себе особенное внимание автора поэмы. Однако и философия Локка, говорит он, может служить лишь отправным пунктом для создания правильного мировоззрения. Гельвеций, познакомившийся с учением Локка еще юношей, во время своего пребывания в коллеже, неоднократно обращается к рассмотрению философии английского сенсуализма в своих как прозаических, так и поэтических произведениях. Если Локк различает опыт внешний и внутренний, ощущение и рефлексию, первичные и вторичные качества, проявляя известные колебания в разрешении основного философского вопроса, то Гельвеций не только в своих философских произведениях, но и в поэме «Счастье» критикует его слева, как материалист. Опыт для него является отражением реальности, за ощущениями он видит действительность. В поэме этот путь лишь намечается, но намечается вполне определенно. Заслугу Локка он видит в том, что основой человеческого знания тот считает ощущения, чувства:

*Для наших первых дней полезен будет Локк,
Я начинающим он ценный даст урок.
Хоть цели не достиг и этот мудрый гений,
Он путь нам указал для новых достижений.
Прилежно он следил развитие ума
От колыбельных дней до смертного холма
И, человеческой души открыв строенье,
Он в чувствах всех нашел основу размышленья.*

Лишь примыкая к Локку, говорит Гельвеций, можно создать мировоззрение, открывающее двери в «храм счастья». Но путь в него преграждают аллегорические чудовища: лень, система, деспотизм, суеверие, нужда, заблуждение и неумеренное наслаждение. Лишь опыт и наука могут облегчить человеку эту задачу.

Конец второй песни посвящен критике стоицизма, Гельвеций борется с тем взглядом на жизнь, согласно которому покой, отдых, счастье находит тот, кто подавляет в себе все чувства, все стремления, отказывается от наслаждения: «бессмысленный покой» стоицизма не может дать счастья.

Содержание третьей песни (как и остальных) излагается в небольшом прозаическом введении; здесь указано, что счастливый человек — это тот, кто в наименьшей мере ставит свое счастье в зависимость от других людей и кто в то же время обладает разнообразными вкусами, которыми он распоряжается по своему желанию. Занятие науками и искусствами, господство над чувственными удовольствиями — таковы основы счастливой жизни. В аллегорической форме Гельвеций изображает пребывание ученых в счастливой местности, вдали от всех бедствий жизни. Особенно важна эта песнь для характеристики интереса Гельвеция к вопросам общественного развития:

*Прекрасно наблюдать и действие пружин,
Что движут смертными сплетением причин,
Рассеивать времен ушедших сумрак хмурый,
Зреть себялюбья мощь в дни первые культуры,
Смотреть, как и у нас оно рождает страсть,
Народам свет несет и образует власть...
Глядеть, как нациям приносят просвещение —
Искусства и закон, война и столкновенье;
Сословья нового следовать обычай, нрав,
Предвидеть мощь его или потерю прав,
Влиянье в том найти причины сокровенной,
И взором, видящим все вещи во вселенной,
Грядущие века пророчески пронзая.*

Далее Гельвеций изображает достижения современного ему искусства: поэзии, живописи, архитектуры, скульптуры. Искусство привлекает к себе особое внимание поэта. Здесь же находит свое отражение его почтительное, благоговейное отношение к Вольтеру все же пальму первенства он отдает Лукрецию, которого ставит во главе всех поэтов. Счастлив тот человек, который сумел объединить в себе «вкусы» в области самых разнообразных искусств.

В искусствах благостных и в радостях живых Источник счастья нам струится благотворно. И, вкусы разные взрастивши непокорно, Чем больше человек их в сердце заключил, Тем больше счастья он прозрачного вкусил.

Однако поэт чувствовал, что он не дал еще окончательного ответа на интересующий его вопрос о счастье. До сих пор он находился в пределах личного счастья отдельного человека. Ответ был найден лишь тогда, как Гельвеций превратился в автора философских работ «Об уме» и «О человеке». Уже в старости, незадолго до смерти, он пишет четвертую песнь поэмы, где в поэтической форме рисует свое понимание счастья. Задача состоит в том, чтобы сочетать личное счастье с общественным, лишь социальное разрешение проблемы является единственно возможным ответом.

Песнь четвертая, завершая всю поэму, представляет собой в то же время самостоятельное произведение, построенное по особому плану в виде аллегорического сказания об Ормузде и Аримане. Вся история человеческого общества — это история борьбы двух начал — двух божеств: Ормузда и Аримана. Ормузд и Ариман, как это указывает Гельвеций в своей работе «О человеке», являются олицетворением гражданского общества («магистратуры») и религии, счастливого века и века несчастного — эпохи господства религии. Таким образом, в форме сказания о борьбе двух божеств Гельвеций очень ярко и поэтично развивает свое антирелигиозное учение. При чтении четвертой песни чувствуется, что ее написал уже не молодой мыслитель, только создающий свое мировоззрение, но материалист и атеист, ясно сознающий историческое значение религии, философ-просветитель, который в основу человеческого счастья кладет правильное сочетание счастья личного с общественным и лишь в коренном социальном переустройстве всего общества видит единственную возможность создать счастливую жизнь для людей.

Но, вместе с тем, и здесь отражается вся ограниченность политических и социальных запросов идеологов французской буржуазии накануне революции 89 года. Гельвеций продолжает думать, что «просвещенный» король, воодушевленный философом-материалистом, способен провести необходимую социальную реформу для создания счастливой жизни народа. Он целиком находится под обаянием этой мысли, развивая ее также и в своих философских, прозаических произведениях. Проводя резкую критику религии, ярко вскрывая преступления попов против народных масс, изображая ужасы инквизиции, создавая памфлет против папы римского, которого он называет жрецом Аримана и дает ему имя Эблиса (по-арабски - дьявол), возмущенно рисуя социальные бедствия и политические преступления господствующих классов феодальной Франции, Гельвеций остается типичным просветителем и рационалистом. В конечном итоге он возлагает свои надежды на просвещение и нигде не обращается к задачам действительной революции. В четвертой песне, подводящей итоги всей его жизни, он апеллирует к «просвещенным» королям. «Один только прогресс знания может обеспечить счастье общее и частное. Просвещенные короли увидят, что удовольствие делать добро — это единственное реальное удовольствие, получаемое от высокого положения. Люди просвещенные и хорошо управляемые будут счастливы, содействуя счастью других». Но мир еще далек от этого состояния, и философ-поэт в ожидании просвещенного короля вновь обращается к личному счастью, рекомендуя мудрецу, подавленному игом королей и попов, обратиться к наслаждению искусством, к чувственной любви и просветительной деятельности.

Олицетворенная истина, к которой Гельвеций обращается еще в первой песне поэмы, дает, наконец, ответ, и Гельвеций формулирует свое понимание счастливой жизни:

*Пусть человек твои услышит назиданья,
Что в удовольствии — все цели мирозданья,
Что этот дар богов укажет нам пути,
Как счастье личное в общественном найти.*

В мифе об Ормузде и Аримане Гельвеций рисует счастливую жизнь первобытных людей в тот век, когда господствовал Ормузд, когда люди еще не знали религии, олицетворенной в духе зла — Аримане. Далее, он изображает победу Аримана над Ормуздом, нарушающую счастливый, золотой век первобытной жизни, — возникновение обмана и заблуждения, исчезновение порядка, равенства и права. Счастливая мирная жизнь сменяется войной и разрушением. В аллегорической форме поэт бичует гнусную действительность отмирающего феодального режима. В образах Аримана и его соратников он развивает критику религии и надеется, что снова наступит век просвещения, когда люди освободятся от гнета попов и снова вернуться к своей счастливой жизни.

Элидор и Нетзанира — таковы два героя этого мифа. Это люди счастливого века, спасшиеся во время космического переворота, произведенного Ариманом. Элидор склонен к наслаждению личным счастьем, Нетзанира заменяет в своем сердце любовь «гуманностью». Она предлагает ему пойти в мир, завоеванный Ариманом, и освободить людей от его власти, от господства религии, социального насилия, политического обмана; освободить от жестоких попов — жрецов Аримана, проливающих человеческую кровь во имя божества.

Вслед за картиной космических и социальных бедствий, принесенных Ариманом, Гельвеций изображает путешествие Элидора по земле, подчиненной аримановым законам. Тяжелое положение трудящихся масс во Франции XVIII в. находит выражение в характеристике самого труда, данной Гельвецием:

*Труд отератительный, с натугой и тоскою,
Пот проливает свой, склонившись над киркою;
Чумою, голодом и тысячами зол
Измучен род людской и гибель в них нашел.*

Пороки, распространенные среди народа, Гельвеций объясняет тем же господством религии и феодального строя. Особенно резко он бичует жрецов Аримана и первого среди них — Эблиса, римского папу, понтифекса, великого жреца Аримана. Диалог между Эблисом и индуской, осужденной на костер, — ярчайший образец борьбы просветителя против религии. По внешности этот диалог не отражает материалистического мировоззрения, но по существу он целиком направлен против религии и покоится на материалистической почве. Его основная цель — разоблачение инквизиции всех преступлений религии против народа.

Интересно также обращение Элидора к скрывающемуся в гроте философу, который в своих словах выражает в некоторой мере тенденции, свойственные самому автору: известное разочарование в социально» жизни, стремление отдалиться от нее в виду невозможности разрешить ее противоречия. Однако это — неокончательный ответ. Элидор возвращается вновь к Нетзанире, рисует ей ужасную картину социальных бедствий, а вместе с тем говорит, что он бессилён что-либо изменить в ней:

*Я видел там людей, венчавших преступленья,
Я видел там талант в глубоком униженьи,
Несправедливостью он превращен в льстеца;
Над добродетелью — насилье наглеца,
И спор из-за земли царей честолюбивых,
На поле битвы строй их армий горделивых;
Я видел фанатизм. Он возле алтарей
Во имя божества уничтожал людей.
И, перед догмою упавши на колени,
Смирненно ждал мудрец нелепых повелений.*

Однако последние строки поэмы, завершающие собой все это произведение, показывают, что автор не потерял надежды на разрешение социальных противоречий. Ормузд, явившийся в огненном вихре, указывает, что вновь наступит век просвещения, вновь возвратится прежнее счастливое время, и религия — Ариман — утратит свою власть над людьми.

Поэма заканчивается характерным для просветителя XVIII в. обращением к монархам и к прекрасному полу. Последняя строка поэмы, обращенная к красавицам: «Вы не героев, нет, а мудрых вдохновляйте!» - подчеркивает убеждение Гельвеция в том, что именно просвещение положит конец критикуемому им социальному строю, господству деспотизма и религии.

Таким образом, уже из краткого содержания этой поэмы становится ясно, что, если в первых трех песнях она вводит нас в историю создания и оформления материалистических взглядов Гельвеция, то в песне четвертой она подводит итоги всему его философскому творчеству. Именно в этом и состоит главный интерес, какой она представляет для историка философии XVIII в. Вместе с тем ею, наконец, должны заняться и историки литературы.

Жанр философской поэзии до настоящего времени недооценен в науке. Громаднейшую роль в этом несомненном факте сыграла узкая специализация различных отраслей науки, свойственная буржуазному обществу, разрыв между историей философии и историей литературы.

Такие художественно-философские произведения, как поэмы «О природе» древнегреческих философов Парменида и Эмпедокла, поэма «О природе вещей» римского эпикурейца Лукреция Кара, сонеты и поэмы великого философа Возрождения Джордано Бруно, послания и поэма «Счастье» Гельвеция, в поэтической форме пропагандируют материалистическое мировоззрение на различных исторических этапах его развития.

К Гельвецию могут быть применены слова, сказанные им о Лукреции:

*Лукреций мудрецам готовит наслажденье
Абстрактной истиной в живом изображеньи.*

Та «абстрактная истина», о которой говорит Гельвеций, — это материалистическое мировоззрение античных эпикурейцев и метафизических материалистов XVII и XVIII вв.

Живое изображение истины материализма того времени — такова громадная заслуга поэмы «Счастье».

Михаил Дынник

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Поэт стремится узнать, какому сословию и какому виду благ природа подарила счастье. Он вопрошает Мудрость, которая показывает ему преимущества и недостатки того, что человек называет благами: сначала — удовольствия любви; они делают человека счастливым на несколько мгновений, но за ними следуют отвращение и тоска; и те, кто слишком предавались этим удовольствиям, в зрелом возрасте оказываются неспособными к счастью. Мудрость показывает ему удовольствия а неприятности, свойственные честолюбию, опустошения, производимые им, и его преступления. Поэт делает вывод, что если почести — источник удовольствий, то они приносят счастья еще меньше, чем чувственные наслаждения.

В унынье погружен, ужели человек, —
Я как-то говорил, — несчастен стал навек?
Бушует океан, о Мудрость дорогая,
К счастливым островам меня не допуская.
Там скалы грозные в прибое залегли,
И буря смертных мчит все дальше от земли.
Их тонущий корабль, — без мачты, без ветрила —
По воле волн идет, не зная, где светила.
Будь мне проводником!
Силен я лишь тобой.
Спустись и светоч свой зажги передо мной.
Надеждой долгою и тщетной обольщаясь,
Я, в лабиринт войдя, все глубже продвигаюсь.
Средь удовольствий ли, у власти ли высот,
Скажи мне, человек счастливый край найдет?
О Мудрость, разреши скорей мои сомненья
И укажи мне путь в счастливые селенья!
Сказал я. Сладкий сон мои глаза сомкнул,
И в грезах радужных я в тот же миг заснул.
Проплыло облако лазурным кругозором —
И Мудрость юная моим предстала взорам.
Проста в речах своих, приятна, не горда,
И педантичности напыщенной чужда,
На лицемерие она взирает хмуро,
Приветствует меж тем уроки Эпикура
И благосклонный взор бросает на людей;
Забавы и любовь не неприятны ей.
Она сказала мне: — Забудь свою тревогу
И слезы осуши — я укажу дорогу;
Ты бродишь в темноте — тебе зажгу я свет,
Ты счастья ищешь там, где счастья вовсе нет.
Тут очутился я в глуши тенистой сада.
Там — ключ живой воды, там — чистая прохлада.
Под сенью миртовой воздвигнут яркий трон,
Искусно из цветов душистых он сплетен.
Повсюду звонких птиц я слышу щебетанье,
Цветущие кусты струят благоуханье,
Их свежесть, тени их и чудный аромат
Мне шепчут о любви, о страсти говорят.
Прелестный уголок исполнен упоенья.
То — сладостный приют царицы наслажденья.

Вот предо мной она! Все привлекает в ней:
И розы щек ее и нежный цвет лилей.
Над мрамором руки она свой лик склонила,
Полуобнажена, уста полуоткрыла.
А томный взор ее указывает путь
Желанью страстному на трепетную грудь,
Влюбленных ветерков нескромное дыханье
Ее прозрачное вздувает одеянье.
Ее кокетливой стыдливостью не раз
Влюбленным брошен был двусмысленный отказ,
Но вскрики, смех ее, притворная защита,
Что пробуждает вновь надежду сибарита,
Позволят страсти все, прельщая и маня.

Услада новая тут встретила меня.
То нимфы гимн поют любви и наслажденья.
Незрелы для любви, они полны прельщенья.
За фавном влюбчивым легко скользит одна,
Промчалась — и вдали уже едва видна.
Склоняя гибкий стан, объятья раскрывая,
Смеясь, любовника уводит вдаль другая;
Желанье скромное — лобзанья просит он, —
Срывает поцелуй, и нимфой восхищен.
Вот, вижу я, Алкид у ног Омфалы с прялкой,
А далее — Рено с Армидою. И жалко
Героя, что забыл свой долг из-за любви;
В волшебном зеркале все слабости свои
Еще увидит он, поймет позор паденья
И разорвет навек объятья наслажденья.
Взойдя на трон цветной в тени густых ветвей,
Я вижу зелень рощ, сплетения аллей —
Услад прелестный мир, восторгов страстных небо,
Где в играх радостных шалит беспечно Геба.
Влекомый зовами, иду я все вперед.
Красавицы спешат под леса темный свод,
Где папоротник им постелью станет брачной,
Их скрыты прелести под дымкою прозрачной —
Преграда для любви, готовая упасть.
Одежды сорваны — и торжествует страсть.
Любовник без конца любовницу лобзает,
На пламенных устах его душа блуждает.
Истома страстная по роще разлита,
В объятиях любви пылает красота.

А дальше, у ручья — игра сопротивленья:
Любовница хранит свои благоволенья,
Любовник хочет мирт пленительный сорвать.
Вот разошлись они, вот сблизились опять.
Но нимфа, наконец, желанью уступила
И тайных прелестей сокровища раскрыла
Мольбой не защитит стыдливости своей.
Напрасно все! Любовь их отразил ручей.
Напрасно в глубине Наяда под водою
Укрыла красоту кристальной струей:
Страсть погружается, находит тайный грот —
И вот любви огонь горит в глубинах вод!
Средь этих чудных мест все дышит наслажденьем,
И страстная любовь, пленившись упоеньем,
Умеет новые желанья возбуждать
И удовольствия несчетно умножать.

Узрел я мудреца, — сказал я, — в сибарите
Вы счастья ищете? Так здесь его найдите!
Царица этих мест, у ваших я колен!
О жрица радости, я вам отдался в плен!
Любовников меж тем похолодели ласки,
Прошел порыв любви, бледнее стали краски,
Не блещут пламенем восторга их глаза:
В них — холод мстительный и горькая слеза.
— О Мудрость! вижу я, что в мире наслажденья
Все счастье — только миг летучий упоенья.
Но их желанья исполнились, — и вот
Напрасно красота поклонников зовет.
Что ж, мирта блёклого печален вид гнетущий!
Она в ответ: — Смотри, вон там проходит кущей
Ужаснейший кортеж упреков и скорбей;
Цветов все менее, шипы же — все острей.
Лишь только радостно умчится в дали Геба,
Мне столько горестей ниспосылает небо.
А в храме пышном том не счастье встретишь ты,
Но пресыщение и горечь пустоты.
Ведь наслаждение проходит быстротечно,
И радости любви не могут длиться вечно.
Неудержим, увы, ее мгновенный лет,
Восторг развеется — и скука вслед идет.

Исчезла Геба вмиг. Над рощей безмятежной
Сбирает облака Борей в короне снежной.
И ветры в мрачную повозку впряжены;
На ней катит зима—погиб дворец весны.
Теряя листья, лес печально сиротеет,
Ручей оледенел, и мурава желтеет.
Сияющего дня напрасно не зови!
Увидел скуку я на троне у любви.
Чудовище, визжа, себя же пожирало,
Бежало от себя, себя же ужасало,

И листья темные на лоб его легли;
Любовники меж тем вблизи него брели.
Стеная и скорбя, без счастья, без желанья,
Взирая с ужасом в провал пустой сознанья.

Угас Бессилья взор, подавленный тоской;
Угрюмо сгорбившись над старческой клюкой,
Оно обидные ускорило седины
И бронзовым перстом наметило морщины.
И призывают смерть несчастные к себе.
Бесчувственная смерть не внемлет их мольбе.

Я вижу, счастье здесь подобно легкой тени;
Оно — во мгле ночной свет беглых озарений.
К чему бесплодные стенанья, сибарит!
Услада прежняя теперь лишь тяготит.
Он мог быть счастливым, — мне Мудрость возразила, -
Ведь юности его любовь цветы дарила;
Любовь — божественный, искрящийся фиал,
И в наслаждении он счастье обретал,
Но к радостям стремясь, их мудро выбрать надо,
И в каждом возрасте иная есть отрада.
В раскаяньи своем что пользы он нашел?
Бессмысленная скорбь — источник новых зол.

Но все же есть в любви счастливые мгновенья,
Увековечил бы любовник наслажденья,
А честолюбец? он хотя б единый миг
Желал ли удержать для радостей своих?
Величья он достиг, но принесло отличие
Надежду жадную на новое величье;
Исполнилась она — желанье вновь грызет;
Но по пути надежд к могиле он идет.
Тут, увлеченный ввысь рукою благосклонной,
Я увидал себя в пустыне отдаленной.
Там горы высятся. Их каменистый склон
Костями мертвыми покрыт со всех сторон,
А гордых их вершин изломанные плиты
И молний носят след и бурями разбиты.

Страх охватил меня. Мне слышен крик и стон.
Какой надеждою на горы приведен,
Герой стремится вверх с отвагою железной?
Что это за скала, взнесенная над бездной,
Превыше горных круч царит над пустотой?

— О смертный! здесь надежд честолюбивых рой
Бесчестно, совести не внемля угрызеньям,
Фортуна покорила могучим устремленьем.
И гордость силится побольше набирать
Помпезных титулов, что обожает знать,
Блестящей мишуры и знаков самовластья.

Но счастья в этом нет, а только — призрак счастья.
И Честолюбие склоняет мутный взор
На кости мертвые у склона грозных гор.
Над краем пропасти, со свитой преступлений,
Изъедено тоской, не слушая молений,
Бежит чудовище, не зная мирных лет,
И в будущем ему успокоенья нет.
Грядущее его неясно и зловеще;
Оно, страшись его, боится каждой вещи;
Себе враждебное, оно себя бежит,
А небо кару шлет — грядущих бедствий вид.

- О Честолюбие безумное! — сказала
Тут Мудрость, — над тобой месть молний заблестала.
Пускай предательство, насилье и обман
Путь к знатности тебе пробили сквозь туман, —
Взойдя на гордый трон, терзаешься ты снами,
Свой золотой покров ты залило слезами.

Вдруг я услышал крик над грозною горой.
То Честолюбие издало страшный вой,
Раскатистый, как звук громового удара,
И вопль его прошел вокруг земного шара.
Услышав крик его, все честолюбцы тут
Тремя дорогами на этот шум бегут.
И первые из них, внушая ужас бледный,
Кровавою толпой, шеренгою победной
Шагают, сея смерть захваченным местам.
Отчаянье спешит за ними по пятам,
И рабство следует в безжалостных оковах
И умоляет смерть спасти от мук суровых.

А Мудрость говорит: — Военный этот строй
Победный лавр стяжал преступною рукой.
Бич мира целого — родник его мучений,
Печали, ужаса и всех опустошений.
Дворцы и хижины исчезли, урожай
Растоптан на полях, и опустел весь край.
Смотри: вот мчится страх, взор пристальный бросая,
Бледнеет, слушает, себя же ужасая.
А вот — неистовство, холодная вражда,
Что с человечностью расстались навсегда.
А там — отчаянье слепое, что в смятеньи
С руками голыми бросается в сраженье.
Вот — победители! Вот — римлян гордый род!
Их слава тяжела, она людей гнетет.
Кровавый их поход убийства отмечают,
И беспощадный путь пожары освещают.
Разрушен мира храм. Их взоры смерть несут.
В смятеньи из страны искусный скрылся труд.
Вот каковы они! И вся земля в молчаньи
Указы слушает в смиренном послушаньи.

И монументами украшен ряд могил,
Где грозных деспотов род властный опочил.
Возносит к небу их мир, ими восхищенный,
И разрушителей венчает он короной.
И вот неистовый обожествлен герой,
И преступленья вновь прославлены толпой.
Ты чести ложной той безнравственно желаешь,
На Марсовых полях убийства освящаешь,
О смертный! Лучше бы геройство королей
Ты счастьем измерял подвластных им людей!

— А там что за толпа с улыбкой хитрой, низкой
Глухими тропами к горе подходит близко?
Они надеются, презрев притворно власть,
При помощи притворств в число владык попасть.
Что за чудовище ведет их? — Лицемерье,
Взрастившее обман, преступность, суеверье;
Смеясь над божеством, оно его же чтит;
Свершая подлости, — о нем лишь говорит.
Чтоб власть завоевать, оно в пыли влачится,
А гордость пепел скрыл, прикрыла власяница.
Чудовище нашло почет среди слепцов
И правит над толпой обманутых глупцов;
Внушает божий страх, чтоб скрыть богохуленья,
И веру, что сама себя лишает зренья.
Честолюбивую толпу ведет оно,
Неумолимого неистовства полно,
И милость нежную повсюду изгоняет,
Что в ревности своей любовь распространяет.
Всех добродетелей преследователь злой,
О мире говоря, оно живет войной,
И небо на него уже глядит с тревогой.

Но посмотри сюда! Вот эту дорогой
Стремится на скалу, притворен и лощен,
Придворный опытный — хитрец Хамелеон.
Чем ниже во дворце, тем в городе надменной,
Ненужный обществу, всегда готов к измене,
Он иго королей, тщеславясь им, несет,
Улыбки ловит их, от них награды ждет.
Сколь часто счастья нет у высшего сословья!
И одиночество стоит у изголовья
Могучих королей, исполненных забот;
Гнетущая тоска в постели их грызет...

Я вижу, между тем, что у скалы фатальной,
Где в грохоте громов Фортуны взор астральный
Награды, титулы и почести струит,
Честолюбивая толпа уже стоит.
Вот двинулись они, к вершине устремляясь:
Земля от их шагов гудела, сотрясаясь.
Один удачлив — вот достигнул цели он,

Другой упал — и в миг он бездной поглощен.
Оружье вижу я в руках враждебных станов;
Тиберии разят воинственных Сеянов;
К ногам ароновым склоняется Дафан,
И Баязета вновь свергает Тамерлан.
Исполнилась душа тревогой и тоскою,
Страх сердце леденил. Вдруг мощною рукою
Богиня наугад, не развязав очей,
Схвативши одного из гордых тех людей,
Поднявши ввысь его, на троне помещает.
Честолюбивого успех его смущает.
Достигнув высоты, он видит новый свет,
Его несчастье в том, что здесь — желаний нет.
Что ж, — молвит он, — меня терзают подозренья,
Мне душу жгут огнем мои же преступленья,
Вокруг меня стоит враждебная мне рать,
Мне угрожает все — и нечего желать!
Да, честолюбцев тех, прошедших перед нами,
Глупец мнит мудрыми, но мудрый мнит глупцами.
Несчастный человек! ты славой обольщен,
Высоким титулом и властью опьянен.
Будь рассудителен, взгляни на вещи здраво;
Начало и конец—всей жизни нам оправа;
Как мало нужно нам, как мы с тобой бедны:
С рожденья — молоко и колыбель нужны,
А после смерти — гроб и саван, да могила,
Властителей земли смиряющая сила.
Но кто ж, бесчувственный и к славе и к дарам,
Способен навсегда стать безразличным сам?
Стремятся к счастью все, и роскошь всех прельщает.
Любите ж, смертные, того, кто нам вещает,
Что к добродетели должна стремиться знать.

Пусть жизнь блестящую ей удалось стяжать.
— Смотри: то блещет свет опасный метеора,
Сверкающий огонь ее ж охватит скоро.
Вельможа, скуке ты тяжелой обречен,
Заране ведаешь, чем будешь удручен.
Бегу от зрелища твоих путей фатальных.
О Мудрость! мчи меня из этих мест печальных!
Земля разверзнулась, пучина взметена —
И Честолюбья нет... гора поглощена...

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Богатства — это скорее способ приобретения реальных благ, чем сами эти последние: стремиться к богатствам ради них самих — это значит не уметь ими пользоваться. Невежественный богач испытывает скуку, его удел — презренье талантливых людей, ученых. При ограниченных средствах нет надобности в знании — сама природа показывает, как ими пользоваться. Но необходимо просвещение, чтобы воспользоваться большим богатством, которое лишь тяготило бы, если бы не создавало новых вкусов. Ищите же общения с философами и учеными; учитесь у них мыслить, но опасайтесь их систем. Стоики стремились найти счастье в спокойствии бесстрастной души — химерическое состояние, в существовании которого желает убедить гордость, хотя сама она не уверена в этом.

Ни радости любви, ни власти мощь, ни честь
Не могут смертного в храм счастья привести.
Богатство, может быть, раскроет храм прекрасный?
Нет, — Мудрость говорит, — надеешься напрасно
И на богатство ты! Бесплодный тот металл
Ни благ, ни горестей от века не рождает.
Конечно, золото ценою обладает:
На удовольствия мудрец его меняет;
Наоборот, скупой не пользуется им,
Далекий от искусств, презренный нелюдим.
Не ради золота возносят вдохновенье
Рамо и Бушардон, звучит Вольтера пенье;
Урания чертит небес обширный план;
Где скудная земля окутана в туман,
Разбросаны цветы и звезды Фонтенеля.
Плющем увенчан, там, где вяза зеленели,
Учил он пастухов усладу воспевать.

Богатый обречен от скуки изнывать.
Бездельем утомлен, он отдан пресыщенью;
Он счастья не найдет, и, чуждый просвещенью,
Он, в изобилии, желаньями влеком,
Из удовольствий всех лишь с грубыми знаком.
С богатствами его и глупость возрастает.

Но это пусть тебя совсем не удивляет!
Воспитанник среды, которой окружен,
С рожденья человек невежеством пленен.
Коль подрастает он, не упражняя разум,
И коль на -мудрецов смотря враждебным глазом,
Созреет, гордостью ревнивою блестя,
То телом он — старик, а разумом — дитя.
На скуку осужден, с душой неутоленной,
Так прозябает он в палате золоченой.
Хоть золото, мой сын, и блещет для очей,
Но редко счастлив он от жадности своей.
Предатель ласковый, друг праздности единой,
Он для раба — тиран, но раб — для господина.
Как честолюбец, он к соперникам ревнив,
Талантам чужд его, пороки сохранив.
Один, нам кажется, уж близится к паденью,
К другому же судьба хранит благоволенье.
Но если он тревог известности лишен,

То сеет зависть он, презреньем окружен.
Опасности людей преступных очищают;
Честолюбивые и щедростью прельщают.
Они преступнее, но ненависти нет
К тому, кто каждый день ждет гибельных примет;
Есть в жребии его оттенок благородный.
Таков уж смертный род — надменный и свободный, —
Пускай с презрением и смотрим мы на власть,
Но путь нелегок к ней, растет опасность пасть,
И, чувствуя в себе готовность к преступленью,
Прощаем мы его и склонны к уваженью.
Так счастья не ищи вблизи презренных благ,
Что небом собраны у Плутуса в дворцах.
— Но где ж? Иль найден путь, — спросил я, — мудрецами,
Чье имя до сих пор пощажено годами?
А Мудрость мне в ответ: — Встречались люди встарь,
Что сами же себе воздвигнули алтарь,
Что вечный двигатель божественный открыли.
Но эти мудрецы обманщиками были
И ловко сеяли повсюду свой обман,
Мир, уважавший их, окутавши в туман,
Давая ложное природе объясненье,
Под видом мудрости прославив лжеученье.

Вот перс, что звал себя избранником небес
И похитителем огня их и чудес:
Впервые в Азии он магов собирает,
Своей премудрости безумной обучает,
Рисует бездны мрак — всех элементов ткань
И тайный тот огонь, чья движет миром длань.
Великий бог, паря на крыльях неустанно,
Извечно облетал пространства океаны;
От века плавал там, в безмерности, цветок;
Увидел бог его — и божеством нарек.
Так Брама создан был, людьми благословенный,
Всесильнейший отец прекраснейшей вселенной.
Движеньем заменив покой, над ширью вод
Могущество его простерло небосвод.
Из глубины его он землю воздвигает,
Густые облака, где буря возникает,
Ударами ветров воспламеняет он.
Вот мир экватором палящим окружен,
И радость первых дней лик Браммы осветила.
Пошли путем своим небесные светила,
И форму и лазурь давая небесам,
Лужайкам — их цветы, и зелень их — лесам.
Невежда, друг чудес, доверчивый и вздорный,
Веками верил маг той сказке смехотворной.
В гордыне Зороастр весь пыл свой почерпнул
И, обманув себя, народ свой обманул.
Вот в этот самый миг украсил бог системы
Надменный лик его сияньем диадемы.

Ученья, полного священной темноты,
Толпа прославила невнятные черты.
Из Персии его изнеженность изгнала,
Но Грецию оно себе завоевало.
Ему известно все: причин и следствий строй,
И тайны в небесах, и тайны под землей.
Вещает Гезиод: — над бездной мирозданья
Эреба мрак царит и вечное молчанье.
Но в недрах хаоса любовь зарождена;
Вселенной и богов владычица она.
И ночь первичную, завесу Эмпирея,
Пронзили дня лучи, над небосводом рея.
Пришла любовь—и все ликует и цветет.
Блистают небеса превыше синих вод,
Фетида их струи смиряет берегами,
Фитей над грозными, вспененными волнами
Подъемлет ясный лик в короне из лучей, —
Порядок — не разлад — вселенной правит всей.

Так гордые умы, что якобы все знают,
В самовлюбленности системы порождают.
Так нации ведут бессмысленнейший спор —
Под смех обманщиков, — какой им выбрать вздор,
И часто отдают глупейшим предпочтенье.
Так мнимых мудрецов о мире лжеученья
Созданье, смерть его опять вещают нам,
И заблуждены вновь воздвигнут ими храм.
Увы, для знания предел положен вечно;
Конечен разум наш, но гордость — бесконечна.
То гордостью своей обманутый Платон
Вообразил, что все отменно понял он.
Так, искажая суть способности мышленья,
Учил он, что душа — отнюдь не разуменье,
Что с телом рождено, растет и гибнет с ним,
Нет, это — некий дух: бессмертен, неделим,
Над телом властен он, он — сущность вне пространства.
Все спорят о душе с упорством постоянства:
То — жизни искорка, тончайший атом — то,
Нет, то — воздушный ток; и все ж не прав никто.

Но мало этого, и человек в гордыне,
Преодолев пространств безмерные пустыни,
Затем, вслед за душой, и бога разыскал.
Весь мир наполнив, бог нигде не пребывал;
Он, будучи ничем, был все же в вещи каждой.
И диспутируя, томим словесной жаждой,
Он бога сотворил. Так бог был создан, весь —
Непримиримых свойств неведомая смесь.
И красноречием обманут нездоровым,
Невежество свое скрывая громким словом,
Не внемля разуму, напрасных жертва мук,
Идею ищет он, а создает лишь звук.

С ученьем ложным тем покончить надо разом.
Когда наш мир был юн, тогда свободный разум,
Неясных тонкостей лишенный, был готов
Стремиться к истине, а не творить богов.
У глупых — темный он, у мудрых — просвещенный.
Локк, вдохновленный им, раскрыл его законы.
Для наших первых дней полезен будет Локк,
И начинающим он ценный даст урок.
Хоть цели не достиг и этот мудрый гений,
Он путь нам указал для новых достижений.
Прилежно он следил развитие ума
От колыбельных дней до смертного холма,
И, человеческой души открыв строенье,
Он в чувствах всех нашел основу размышленья;
Он разъяснил обман всех мнимых мудрецов,
Ошибки ложного употребленья слов.
Одной рукой смирил он гордость платонизма,
Другой установил границы пирронизма;
Он к храму истины нашел нелегкий путь.
Так поспешим туда на истину взглянуть,
Проникнем вместе с ним в святилище, под своды.
Что за чудовища несметные у входа!
С улыбкой мрачною растлительная лень
Лишает света ум и погружает в тень.
Система в облаках и молниях сверкает,
Ученых, ослепив, с дороги увлекает.
Там грозный деспотизм лишь бровью поведет,
И цепью виселиц страх преграждает вход.
Там суеверие, что в келий гнездится,
Над слабым разумом без устали глумится.
Всесильною рукой жестокая нужда
Тот вход для бедняка закрыла навсегда.
Он скрыт от старости упорным заблужденьем,
Он скрыт от юности любовным наслажденьем.
Но он открыт для тех, кто гордою стопой
Попрал тщету услад и предрассудков рой
И кто уверенно напряг в работе руки,
Избравши для себя путь опытной науки.
Так сильные гребцы вблизи Мальтийских скал,
Коль Аквилон валы высокие нагнал, —
Объединив свои упорные стремленья
И моря победив подводные течения,
Где камни острые коварно залегли,
На веслах в гавани приводят корабли.
Светила властного враждебная нам сила
Иль ядом горестей всю жизнь нам отравила,
Иль меньше благ дала, а много больше — мук.
Коль к счастью я стремлюсь, не покладая рук,
А счастья нет, и я надеждой обольщаюсь,
Я к вам, несчастные собратья, обращаюсь:
Быть может, счастье нам — в отсутствии лишь зол.
И, может быть, покой и отдых тот нашел,

Кто подавил в себе любовь и возмущенье;
Богатый в бедности, свободный в заключеньи,
И цепи и венец спокойно носит он.
Эгидой стоиков от жизни огражден,
Он наслаждается спокойствием прекрасным:
Пусть мир разрушен — он останется бесстрастным.

Нет, — Мудрость говорит, — получше разберись:
Кто чувством пренебрег, тот гордо смотрит ввысь.
Ужели внешностью обманут ты суровой?
Стал мудрым для тебя гордец пустоголовый!
Услады любит он, но избегает их,
Затем чтоб, потеряв, не сожалеть о них.
Насилья, горестей усерднейший свидетель,
Надеется он в них очистить добродетель.
Готовый, чтобы вновь ему не повезло,
Привык к страданью он, спокойно встретит зло.
Богатству предпочтя иной, суровый жребий,
Он в нищете живет, нуждаясь даже в хлебе.
Подобные глупцы вступают с чувством в бой
И к удовольствиям относятся с враждой,
Превратности судьбы встречают благосклонно
Герои ложные, апостолы Зенона, —
Кто удовольствию страданье предпочел,
А счастью мудрому — проклятье мнимых зол.

Но, Мудрость, как могли они ученьем мнимым
Так долго властвовать над Грецией и Римом?
Она в ответ: — Ужель ты этим удивлен?
Средь горделивых стран был стоицист рожден.
Он людям мудреца изобразил бесстрастным,
И, сам являясь им суровым, строгим, властным,
Он маску мужества перед толпой носил,
Увы, чтоб обмануть, не тратя много сил.
Смотри, как он набух притворным безразличьем,
Смотри, как оболъщен предательским обличьем, —
Так мало истине пожертвовав труда,
Наш неразумный мир обманут был всегда.

Тут очутился я на площади громадной.
Народ толпился там, на развлеченья жадный.
Высоко на костре был виден вдалеке
Бестрепетный гордец со свечечем в руке.
- Народ! — воскликнул он, — узнай мое ученье:
Для мудрого - ничто и радость и мученье.
Подобно божествам, мудрец проводит дни,
Спокоен, недвижим, бесстрастен, как они.
Невозмутим ничем, войти он в пламя может,
Что тело обожжет, но душу не встревожит.
Тот страх, что скакуна степного усмирил,
Что укротителю медведя покорила,
Что в рабство обратил свободные народы, —

Ничто он для меня, хоть все он — для природы.

Сказал он — и огонь сам бросил в свой костер.
В нем бога увидел толпы смятенный взор.
Толпа приблизилась среди криков восхищенья.
Нет в мире для меня, — сказал он, — устрашенья,
Смутил ли мужество хотя б единый стон?
Неустрашимостью невольно восхищен,
Я дикой доблестью был поражен такою.
Тут Мудрость от костра могучею рукою
Толпу подвинула, смирив восторгов жар.
И неожиданный для стойка удар
Гордыню прежнюю вдруг ужасом сменяет.
Он жалобно кричит, и сила покидает
Беднягу жалкого, что в муке изнемог.
Нет почитателя, а с ним исчез и бог.
- Блуждая, — я сказал, — дорогой неизвестной,
Напрасно я искал тот счастья храм чудесный.
Нет, должен я, страстям не уступив никак,
Как Ментор, их смирять, бежать, как Телемак.
Не буду слушать я их лживых уверений.
То—счастье ложное мгновенных опьянений,
Услады редкие среди пустынных стран.
Теперь глаза мои увидели обман.
Миг страсти пролетит — вот скука вновь пробралась
И что б от ложных благ желанных тех осталось,
Когда б узнали их, сравнивши их приход
Со свитой мрачною волнений и забот?
Так, бурями рожден, мелькает блеск летучий;
Неверным пламенем вдруг озарит он тучи;
Он молнией взлетит внезапно в небесах,
Тем ярче, чем они темнее в облаках.

Под небом, где лазурь прозрачная сияет,
Счастливец жизнь свою и начал и кончает.
То счастье, смертные, ничем не заменить;
Оно плетет для нас мгновений сладких нить.
О Мудрость! укажи мне, юному, обитель,
Где счастье полное вкушает каждый житель!
Услады бурные приносят зло с собой.
Но счастьем ли назвать бессмысленный покой?

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Счастливым человеком—это тот, кто в наименьшей мере ставит свое счастье в зависимость от других людей и кто в то же время обладает разнообразными вкусами, которыми он распоряжается по своему желанию. Это — человек, любящий учение и науки. В одно и то же время он и наиболее независим, и наиболее просвещен. Живые удовольствия приносит и философия — как изучающая природу, так и изучающая человека. Философ наслаждается, даже ошибаясь. Он любит историю, занимающуюся опытным изучением человека. Он вовсе не отказывается от чувственных удовольствий, но господствует над ними. Поэзия, музыка, живопись, скульптура, архитектура — новые источники его удовольствий.

Ты знатности достиг, богатство деньги множит,
Что ж, человек, тебя волнует и тревожит?
Змея ль в цветы твои скользит издалика?
А Мудрость: — Злое то чудовище — тоска.
Ужасен яд ее, зловерное дыханье
Проникнет во дворец, изгнав очарованье,
На ложе у любви, в объятиях услад
Восторги лучших дней отравит этот яд.
Лекарство где ж найти? Сомненья нет: в науке,
Открытья новые конец положат скуке.
Науке сладостной отдайся сердцем ты:
В ней счастья ты найдешь заветные черты.
Какие радости она дарит с любовью
Везде, всем возрастам и всякому сословью!
Вот счастье верное, его мудрец избрал,
Безумец же иным его воображал;
Фортуны, знаем мы, изменчиво желанье, —
Он счастья своего на ней построил зданье,
К богатству, к знатности всегда стремился он,
К нему соперники спешат со всех сторон.

К утесистым горам она стремится паренье.
Я вижу в высоте Молчанье и Сомненье,
Там Размысленья глаз пронзителен и жив,
Там Опыт бродит, взор внимательный склонив.
Тяжелые труды перенести готовы,
Они дворцу наук упрочили основы,
Они несут уже свет истины в руках.
Но, Мудрость, смертные живут ли на горах?

Там мудрецы, — она сказала, — пребывают,
Бессмертной радости они восторг вкушают.
Их волю мощную природа чтит сама,
Ее покров раскрыт для взора их ума.
И перешли они, в познании истин смелы,
Общеизвестного и редкого пределы.
И строй небесных тайн изведан с тех вершин,
От следствий найден путь к познанию их причин.
Разрушил разум их господство предрассудка,
Для мудрых взоров их все чудеса — лишь шутка.
Подобные богам, они узнали вес
И толщу воздуха, и центр нашли небес,
Природу подчинив законам однородным.

В разнообразьи форм, в морском просторе водном,
И в безднах, и в горах, взметенных к небесам, —
Везде все тайное раскрыто их глазам.

Один исследует, какая это сила
В эфире вознесла летучие светила:
Как притяженья мощь, всесильною волной
На хаос хлынувши, нарушила покой.

Другой продолжил жизнь, возжег ее горенье
И смерти алчущей замедлил приближенье;
Он острый серп ее немного притупил
И отдалил от нас ужасный ряд могил.

Там, далее, — умы, отваги дерзкой полны,
Что смело рассекли арктические волны,
Чьи воды ветер ввысь приподнял, и сковал,
И гонит по морям толпой прозрачных скал.
В печальных странах тех их слава процветает,
И мир вокруг оси у полюса вращает.
Обширны их труды! Как восхищен мой ум!
Он сам при виде их великих полон дум.

Итак, я мог бы здесь коснуться тайн природы,
Рассеять мрак глубин, проникнув к ней под своды.
Я мог бы здесь найти и счастье и покой,
И увенчать всю жизнь единою мечтой.
Но душу мне гнетет упорное сомненье:
Источник наших зол несметных — заблужденье,
И в величайший ум оно отыщет ход,
Как влага, что везде, фильтруясь, проскользнет.

Вот Грецию оно и римлян обольщает,
Смущает им Зенон, Лукреций восхищает.
Мудрец обманут им. Дух тщетный иногда
Туманит и его счастливые года.
Но тут сказал Декарт: — Да, ошибались все мы,
Я сам глаза закрыл повязкою системы,
Ошибки древних я ошибкой заменил,
Где прежний мир погиб — мир новый поместил.
Смущаться ль этим мне? Изведал заблужденье
Я как мудрец. Скалу отметило крушенье.

— Я, — продолжал Мальбранш, — скажу еще ясней,
Я вижу в боге все. Что ж увидеть во мне?
Но пусть я и блистал обманом слов неверных,
Пусть Локк меня лишил всех лавров эфемерных, —
Ошибкою моей научен, вырос он.
Так знай: ошибками путь к истине мощен.
Коль обманулся я и коль мой рабский разум
Всех предрассудков тех не мог отбросить разом,
Прости, о, Истина! Мной принятый закон

Тебя не оскорблял, к тебе стремился он.

Тут увидал я сад, в нем мудрецы гуляли;
Средь зарослей густых они, смеясь, мешали
С усадями любви усады строгих дум.
Какое божество пленило здесь их ум?
Любовь покинула ль Идалии приюты
Для гор Урании, что сумрачны и круты?
Не склонны ль мудрецы бежать к иным местам?

- Нет, — Мудрость говорит, — счастливым их годам
Приятен бог любви и жжет их страсти пламя.
Безумцы ли они — его ль погасят сами?
Цветами убрала я этот чудный склон,
Здесь мирт растит Любовь и лавры — Аполлон.
Амур — мой бог, ему горит хвала во взоре;
Безумцем правит он, но мудрому покорен,
Одних поработив, он сладостен другим.
Здесь, положив предел желаньям своим,
Живет Анакреон; он Мудрость вопрошает,
Восторга розами подругу украшает,
И прелестям ее и страсти гимн поет.
Певец любовных чар, царит он без забот.
Ловите красоту, рожденную весною.
Цветок, едва расцвел, склонился головою,
Но в сердце, — так он пел, — счастливых дней привет
Пусть снова породит желаний яркий свет.
С Зеноном мыслите, но с Грацией танцуйте!
Вот юная Любовь, шалунью очаруйте.
Пусть и для нас нальет она бокал вина.
Смотрите: мотылька нам принесла весна.
О как порхает он, скользя над розой новой,
Качаясь в воздухе, ее любить готовый!
Восторженно глядит на стан ее, цвета —
И к ней на грудь летит, где скрыта красота.
Когда на свод небес прольется свет Авроры,
Красавиц утренних позолотивши взоры,
Дорида — роза та, и я — тот мотылек.
Люблю румянец я ее лилейных щек,
Бросаю жадный взор, исполнен упоенья,
На грудь ее, на стан, на все ее движенья.
Желанья удержать не в силах больше я,
Лечу в объятья к ней, — и вот она — моя.
В экстазе сладостном мы душами возрастаем,
Вот сблизились, срослись, в единой неге таем.
Умрем, воскреснем вновь на алтаре любви!

— Такие речи, ты, о Мудрость, оборви!
Лишь ложных тех услад такой язык достоин.
О нет, не здесь мудрец пребудет успокоен:
Ведь угрызенья нам бросают мрачный взгляд,
С нектаром радости мешая грусти яд.

Нет, скуке, что везде настигнет сибарита,
В обители моей, — сказала, — дверь закрыта.
А коль пройдет любовь, угаснет пыл сердец,
Иные радости себе найдет мудрец.
Узнай же: всякий вкус, коль он один, обманет —
Он в страсть перерастет и властелином станет;
Разнообразье нам умножит рой услад,
И, если человек различным вкусам рад,
Потеря одного его б не поразила.

Едва окончила — стремительная сила
Меня поставила перед большим дворцом.
Густое облако скрывало все кругом,
Но глаз мой различал античные руины,
Колонны портика виднелись средь равнины.
Дворец известен тот с древнейших был времен,
Совместно истиной и баснью создан он.
Там Муза прошлого, пронзая свиток взором,
Венчает смертного иль славой, иль позором.
Посоветавшись с ней, ученый увидал,
Что себялюбие повсюду и всегда
(Вот—добродетелей отец и преступлений)
Копало пропасти несчастий и падений,
И граждан делало, творило королей,
И создавало свод законов для людей;
Вздывало вновь огонь войны, кровопролитий,
В движенье приводя земного шара нити.

Другой внимательно глядит на древний Рим,
Что был жестокостью возвышен и храним;
Богатством доблести была разбита сила,
Народ властительный изнеженность сгубила,
И трон, построенный из тронов ста царей,
Внезапно рушился от тяжести своей.

А если кто не друг глубоких изучений,
Он взором бег следит веков и поколений:
Бежит за веком век, волна — вслед за волной,
К провалам времени, к той пропасти пустой,
И увлекает все, и числит вновь потери
Искусств и нравов, прав, богатств, царей, империй.
— Увы, — сказал один, — все движется, летит...
Ловите счастья миг — все людям говорит.
Безумный человек! Коль вечных рук усилья
Не только нашим дням — столетьям дали крылья,
Зачем бежать услад и вновь искать пути —
Стремиться к тем дарам, которых не найти?

- Сколь дух мой, — я сказал, — здесь чувствует свободу!
Прекрасно наблюдать с Уранией природу,
Пружины мировых движений в высоте;
Взирать на хоры солнц, висящих в пустоте,

Смотреть и вычислять строй сил и расстояний,
Что их заставил плыть в воздушном океане;
Вот, небо заселив, вплоть до его глубин,
Светила разных форм и разных величин
Обширнейших пустынь предел превозмогают
И равновесье сил в различьи обретают.
Прекрасно наблюдать и действие пружин,
Что движут смертными сплетением _причин;
Рассеивать времен ушедших сумрак хмурый:
Зреть себялюбья мощь в дни первые культуры;
Смотреть, как и у нас оно рождает страсть,
Народам свет несет и образует власть;
Здесь оскорбленья пыл карает отомщеньем,
Там укрепляет честь для встречи с преступленьем;
Оно кует весы законов для людей,
И цепи для раба, и скипетр королей;
Глядеть, как нациям приносят просвещенье —
Искусства и закон, война и столкновенье;
Сословья нового следить обычай, нрав
Предвидеть мощь его или потерю прав;
Влиянье в том найти причины сокровенной,
И взором, видящим все вещи во вселенной,
Грядущие века пророчески пронзять.

О Клио! Я готов здесь радости вкушать;
Нет, нет, и на горах Урании мой гений
Не подымался ввысь для больших достижений.
О Мудрость, в этот миг я счастлив стал вдвойне,
Два вкуса совместив различных. Все же мне
Храм счастья не открыт, остался он незримым.
Назвать ли божество его неумолимым?
Иль небо счастья миг, ревнивое, хранит?
К чему: ведь счастья речь всем вкусам говорит?
— Нет, сын мой, счастливей ты быть, конечно, можешь,
И каждый новый миг ты счастье лишь умножишь.
Иди сюда и жди восторгов и услад,
На области искусств бросая жадный взгляд.

Тут очутился я среди большой арены,
В серебряном кругу блестящей Ипокрены,
Где роци пальмовой широкие листы
Сплетали колыбель искусству красоты,
И кроны этих пальм бросали книзу тени,
И тысячи цветов неведомых растений
Струили аромат в дыханьи ветерков.
Но кто ж построил здесь, скажи, дворец цветов?
Какое божество скрывается в цветеньи?
А Мудрость мне в ответ сказала: — Вдохновенье,
Что в бездну хаоса открыло вновь проход
И новые миры свободно создает;
Чей окрыленный взор пронзил небес убранство,
И для кого — ничто и время и пространство.

Оно скрепило строй небесных всех кругов,
Построив Эмпирей, всех создало богов;
Спустившись Этною, жилище душ открыло,
Там Тартар вырыло и пламя распалило,
И вновь из тех глубин поднявшись к свету дня,
Танцует с сифами, любовь к себе маня;
Когда ж придет весна — поет зефиров, Флору,
Росистые поля и нежную Аврору.
Сужденье рядом с ним холодное сидит,
Смиряет пыл его и им руководит:
В работах гения их дар уравновешен.
Ты в эти рощицы приходишь неутешен,
Искусства — пред тобой, у разных алтарей.
- Как имя, — я спросил, — счастливых тех людей,
Что с Полиимнией, чтя Линуса искусство,
Изгнали песнями завистливое чувство! —
Поэтов дерзостный, но полный смысла стих
Не потерял в веках услады строк своих.
Лукреций мудрецам готовит наслажденье
Абстрактной истиной в живом изображеньи;
Здесь Мильтон скрыл в огне твердыню адских сил
И мост, что с миром всем Эреб соединил;
Здесь Поп, и Буало, и Приор, и Горации
Венчают истину повязкой легких граций;
А смелый Кребильон внушает людям страх,
Обман представил нам приятным он в стихах:
А далее Персей сидит, поэт отличный;
Сказал он: — Пусть стихи мои не гармоничны,
Не подражаю я тем рифмачам пустым,
Богатым звуками, на смысл же фраз скупым,
Что разуму чужды в безудержной гордыне, —
Ужасен слов потоп в идейной их пустыне;
И не смешая, нет, как выпранный глупец,
Я правды золото и звучной лжи свинец.

А вот, как некий бог, блестящий и разумный,
Навстречу тот идет, кто Марса песнью шумной
Впервые Францию при звуках труб пленил.
Рожден для всех услад, он всем искусствам мил!
Им сорван гордый лавр и пламенная роза:
Воспеты дни Анри и прелести Монроза,
Несчастья Валуа, Климента злой азарт,
М вихри, что отверг английский тот Декарт,
И луч, что оседлал Дени на удивленье,
И призму, где Ньютон раскрыл его строенье.
Так в озере порой бывает отражен
Предмет, ближайший к нам, и тот, что отдален,
И холм береговой, и лес, что бросил тени,
Трава, тростник, цветы склонившихся растений
И яркая звезда, венчавшая зенит.

Строй гармонический, я слышу, там звенит;

Я узнаю Кино: любовью дышит лира,
И божеству его открыты бездны мира,
Он алтари воздвиг — творенья всех искусств —
В изменчивых дворцах для услажденья чувств.

Там, дальше, — ателье, где живописцев рвенье,
Природе следуя, творит ей украшенья;
Где тысячи фигур — шедевров чудный хор —
Пленный зритель остановили взор.
Он думал, что тела он видит; торопливо
Коснулся полотна, настолько все там живо, —
И все ж не знает он, взволнован и смущен,
Касаньем, зреньем ли теперь обманут он.
На смелом полотне я вижу, как волнами
Вздымаются моря, бурля под облаками;
Все небо тучами покрыто, солнца нет,
И даль избородил летучих молний свет.
Один нарисовал Рено у ног Армиды,
Другой венчал змеей лик грозной Эвмениды;
Вот — времени поток; героев он почтил
И гонит зависть прочь с подножья их могил.
А дальше: рождена волною белопенной,
Венера юная является вселенной.
И с ней рожден Амур, он ей вооружен,
Огнем его очей весь мир одушевлен.
Пан в зарослях лесов настигнул Ореаду,
Нептун увлек с собой в глубины вод Няяду,
Юнону в облаках смущает Иксион,
И с Прозерпиной в ад спускается Плутон.

- Я живопись люблю, — сказал я, — в этом роде —
Дать тело божествам и душу дать природе,
Из бездн забвенья вновь героев извлекать,
Надеждой эту геройство поощрять:
Рождает вкус один столь многие услады.
А если счастья храм и скрыл свои аркады,
Все ж каждый новый шаг я делаю скорей
И чувствую себя счастливей и мудрей.
Вдруг сердце радостью живой затрепетало:
Героя нового мне Мудрость показала.
Что вижу я? Король... Прославленный герой;
Ценитель всех искусств, увенчанный хвалой;
Их алтари он вновь везде сооружает.
Он был бы так велик, — тут Мудрость восклицает, —
Когда б военный пыл уменьшил он стократ:
В сраженьях он — Алкид, в совете он — Сократ:
Хоть слишком долго шел он Цезаря следами,
Но все же век его прославлен чудесами,
И разрешил Луи искусствам воспевать,
Как он украсил мир, уставши устрашать.
Смотри: вокруг него они стоят рядами —
Те, что прославили отечество трудами.

Когда же в сердце вкус искусства пробудят,
Ты счастье ощутишь от новых ста услад.

Вот наугольник свой и длинный свиток плана
Строители берут. Из глуби котлована,
Ты видишь, рычаги, одетые на вал,
Со скрипом тянут вверх громады твердых скал.
Резец ударами здесь мрамор оживляет.
Перро сгибает свод, колонну закругляет,
Возводит и крепит, — и представляет нам
Дворец — шедевр искусств, искусств роскошный храм.
Ленотр салонам тем готовит обрамленье,
Дворцу весны дает он зелень в украшенье;
Ты видишь лип шары и тисовый узор.
Кибела развернуть успела свой ковер.
И сразу сотня помп подьёмлет вверх с равнины
Стремительный поток, взнесенный на вершины;
Вода проходит там каналов целый ряд;
Взлетает вверх фонтан, струится вниз каскад.

Украшен музами вид каменной ограды —
Для гения Пюже нам не найти награды!
Вот ателье его. Здесь оживет скала,
Удары молотка она перенесла,
Смотри: исчезла вдруг, и видишь, восхищенный,
Ты смерть Адониса, волнение Дидоны.
Обилие картин мой поразило взор.
Защитницы искусств, небесный чистый хор!
О музы! Новые огни во мне пылают;
Все вкусы, чувствую, мне в душу проникают.
Тут сердце мне восторг наполнил. Наконец,
Раскрыла навсегда ты счастья мне дворец.
О Мудрость! вкусам ты даруешь зарожденье;
Как страсти, и они приносят упоенье.
И к прежним радостям здесь человек придал
Усладу новую: он счастье осознал.

Едва я кончил речь, мой проводник летучий
Полет наш устремил в лазурный край, за тучи.
И в радостный приют я был перенесен,
То счастья был дворец, достигнут мною он!
Искусств, Услад толпа к его склонилась трону,
Амур и Аполлон несли его корону,
Покой души его струился из очей,
И радость искрилась зарницами огней.
А Мудрость говорит божественная: — Время
Приносит для людей иль радость, или бремя,
То медленным его, то быстрым мнят они. —
Услады равные здесь измеряют дни.
Я — счастья верного родник неистощимый,
Источник сладостный. И рок неодолимый
Связал от века нас гирляндю цветной.

Живу я здесь, в дворце, и этот трон — он мой.
Промолвила — и я увидел в отдалении
Лишь мутных образов неясное движенье.
Развеялся мой сон. Я понял: каждый миг —
В искусствах благодетных и в радостях живых
Источник счастья нам струится благотворно
И, вкусы разные взрастивши непокорно,
Чем больше человек их в сердце заключил,
Тем больше счастья он прозрачного вкусил.
Наука учит нас сносить несправедливость,
Порок неведом ей, приятна ей стыдливость,
И счастье нам она находит, но оно
Лишь добродетелью совсем завершено.
— Я в жизни избегу, — сказал я, — опьяненья;
Тропую мудрости, средь яркого цветенья,
Пойду уверенно, решивши отыскать
Услады, что судьба не сможет отобрать;
Смятенья избегу, найду восторга меру,
И так соединю с Парнасом я Цитеру;
И в юности своей всегда я буду рад
С плодами разума срывать цветы услад.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Один только прогресс знаний может обеспечить счастье общее и частное. Просвещенные короли увидят, что удовольствие делать добро—это единственное реальное удовольствие, получаемое от высокого положения. Люди просвещенные и хорошо управляемые будут счастливы, содействуя счастью других. Но мир еще далек от этого состояния. Подавленный игом королей и попов, мудрец должен наслаждаться искусствами, чувством любви и стремлением п; освещать людей, насколько это ему возможно. Сказание об Ормузде и Аримане.

Друг добродетели, о истина! лишь ты
Нам путеводный луч бросаешь с высоты!
Пусть человек твои услышит назиданья,
Что в удовольствии — все цели мирозданья,
Что этот дар богов укажет нам пути,
Как счастье личное в общественном найти.
У истины святой, в палате горделивой.
Узнает человек о жизни справедливой;
Он часто, как слепой, путь ложный избирал
И к преступленью шел, хотя добра искал.
Ты, истина, раскрой ему скорее веки
И укажи ему, что о счастливом веке
Впервые весть подаст лишь твой полезный свет,
Что в сердце у него пороку места нет.

Индусы говорят, что прежде было время!
Держалось истины людей невинных племя,
Блистали их сердца невинностью своей,
И просвещен был ум счастливейших людей.
Развеялся, как сон, тот первый век счастливый,
И в следующий век бог появился лживый,
Из ада вышедший надменный Ариман,
Весь мир окутавший в обманчивый туман.
Стон издает земля при этом появлении,
В сердца вошел обман, в умы же—зablуждение,
Порядка, равенства и правды строй исчез,
Жестокость вместо них и грубый интерес.
Война, нарушив мир, выходит на арену;
Ты видишь на земле бой, гибель, перемену.
Индусы! был ваш край судьбой благословен,
Но вы — свидетели великих перемен:
Из вечной темноты, из бездны сокровенной
Жестокий Ариман взошел на трон вселенной.
Я верю: ваших книг мой верный перевод
В смятенные умы спокойствие внесет.
Желаю людям я представить образ нежный
Обычаев, утех эпохи безмятежной,
И, кистью смелую сперва нарисовав
Их жалкую судьбу, испорченный их нрав,
Сказать им, что придет век новый просвещенья
И человека вновь исправит прегрешенья.

Ормузд рожден огнем — разумным, волевым,
Божественным огнем, текучим и живым.
Лишь только этот мир скрепил он небесами,
Всех смертных одарил несметными дарами!
Своею мудрою и щедрою рукой
Он в каждом климате принес им дар иной.
Но двух он предпочел из всех созданий мира:
То юный Элидор и дева Нетзанира.

— Восславим небеса, — промолвил Элидор, —
За то, что радостью пронизан каждый взор
Супругов любящих, не знающих ненастья.
О Нетзанира! мы с тобой живем для счастья!
Цветет наш Гименей. Ты вспомни утра час,
Когда тебя в лесу я встретил в первый раз;
Увидел я тебя — и кровь вскипела в жилах.
На пыл моей любви ты цепи наложила,
Но слушала меня. И страстные мольбы
Не мог развеять вихрь завистливой судьбы.
И вот зажгла тебя моя любовь живая, И Гименей горит, ее огонь вздувая.
Растет любовь моя, не страшно время ей,
Я каждый день тебя люблю еще сильнее.
И луч серебряный проснувшейся Авроры
Не так живителен и радостен для Флоры,
Как для счастливого супруга этот взгляд,

Прелестная! о как твои глаза горят!
Прекрасный образ твой, изящные движенья
Чаруют сердце мне восторгом опьяненья;
Амурами тебе весь этот облик дан,
И любишь ты сама свой стройный, гибкий стан.
Как часто к небесам взлетала в упоеньи
Душа, полна тобой. И взором размышленья
За миром всех существ ревниво я следил,
Но равной красоты нигде не находил.
Когда я отвлекусь от милого предмета
И брошу взгляд на луч пленительный рассвета,
На гордый небосвод, громадные моря,
На звезды, что блестят, пространство серебра, —
Тогда душе моей присуще удивленье,
Но все же чуждо ей палящее волненье,
И сердца моего — все то же естество,
Нетронутым мое осталось существо.
Конечно, зрелище такое поражает,
Но удовольствием душа повелевает;
Тебя же увидав, бываю я иной:
Все существо мое пронизано тобой,
Вся жизнь моя к тебе прикована судьбою,
Тобою чувствую и мыслю я тобою.
Люблю, и без тебя вселенная пуста.
Как украшаешь ты прекрасные места,
Томление любви вокруг распространяя!
И сердце радостно, уныния не зная.
И горе и печаль я близ тебя забыл,
А плакать заставлял меня лишь страстный пыл,
Взволнован я гляжу, касаюсь я взволнован.
Вот вечер! Гименей меня приводит снова
На ложе знойное наивной чистоты.
В движеньях грацию, во взорах небо ты
Скрываешь. И тебе любовь несу, как дань, я,
Очаровать тебя — одно мое желанье.
Таланты, знанья, ум — не в этом мой кумир.
Тебя любить, пленять — ведь это целый мир!
Порою мудрецов я слышу голос строгий,
Прославлен хаос им, и бездна, время, боги...
И мира юного воспета красота.
Но скука, слышу я, в том хоре разлита.
Близ красоты твоей могучий меркнет гений,
И мудрость дань несет безумных рассуждений.
Мир создан для тебя, и роза взор манит,
Чтобы сравнили с ней цветы твоих ланит.
Ей шепчет ветерок любовные признанья,
И страстный шепот вновь зажег мои желанья.
Любовь, и пенье птиц, и взоры томных глаз,
Цепь виноградных лоз, опутавшая вяз,
Тень этих рощ, цветы, безоблачность погоды,
Газоны яркие/все прелести природы
Меня приводят к той, в кого я так влюблен.

Светилом утренним свод неба позлащен,
Блится серебром вечернее светило —
Затем, чтоб в мире все еще прекрасней было?
Нет, — чтоб в твоих чертах искал их нежный свет
В час утра — красоту, в час вечера — привет.
В счастливом уголке ты блещешь красотой,
Твой образ отражен текучею водою,
Чтоб множить в зеркале прозрачном без конца
Любимые черты прекрасного лица.

Но солнце поднялось высоко над землею:
Ормузду мощному, возлюбленному мною,
Пора восторгов дар молитвенно принести:
Он сотворил тебя, мне счастье дал и честь;
Для Нетзаниры он — любимый небожитель,
И наших радостей он — добрый покровитель;
Он сделал храм любви обителью своей,
И счастлив бог Ормузд, коль счастлив род людей.

Как нежен Элидор с своей подругой чистой!
Вот к местности они приблизились гористой,
Где утренней зари уже зажглись огни.
В очаровании все дале шли они,
Как бы влекомые в то место благосклонно.
Там ключ живительный, упавши вниз со склона,
Скользил среди цветов серебряной змеей
И влагой умерял растущий солнца зной.
Там травы аромат струили непрерывно,
И кроны гордые стремились ввысь платаны,
В сиянии солнечном, как сказочная быль, —
Святылища любви роскошный перистиль.
Фонтаны стройные взлетали из бассейна
И ниспадали вновь прозрачно, тиховейно;
И утренней зари дробился алый свет
В переплетеньи струй, которым счета нет;
И сотни ручейков, стекающих в долину,
Покрыли серебром всю горную вершину.
Поблизости стоял любви высокий храм.
Супруги каждый день ходили к тем местам,
И, восхваляя свет Ормузда, в умиленьи
К священным алтарям несли свои моления.

Вдруг вопль из недр земли внушил им дикий страх,
И знаки грозные возникли в небесах.
Из бездны мрачный пар поднялся на свободу,
Смешался с воздухом и затемнил природу.
Гора колеблется, дрожит покров земной.
То был фатальный миг, предсказанный судьбой:
Жестокий Ариман, бог ужаса суровый,
Был должен в этот миг разбить свои оковы.
Над всей вселенною владыкой будет он,
И только храм любви ему не подчинен.

Под портиком его, достигнув милой цели,
Влюбленные найти убежище успели.
В священном трепете они укрылись там
И обращают взор к покинутым местам.
Какой ужасный вид! Небесное светило
Бледнеет, клонится... и вовсе отступило.
Лишь молний жуткий блеск мелькает в небесах,
Глухие рокоты рождаются в морях,
Гудит подземный пар и ширится от жара.
Вот треснула гора от страшного удара —
И виден стал тогда, сквозь трещину в земле,
Жестокий Ариман, прикованный к скале.
На камнях распростерт, без мысли, без движенья.
Казалось, в смерти он нашел успокоенье.
Внезапно свод небес потряс ударом гром.
Проснулся Ариман, обводит взор кругом,
Своим бессилием постыдным удивленный.
Но мощь вернулась вновь. Увенчан он короной.
Скала низвергнута. Железа плен разбит.
Глазами грозными он вокруг себя глядит —
И все кругом него исполнено тревоги,
И плачут добрые, увидев это, боги.

— Стихии, небеса, — сказал он, — солнца свет,
Что жизнь несет земле и числит хоры лет!
Я — повелитель ваш, победою венчанный.
Пусть вся вселенная узнает Аримана.
Ормузда скипетром я овладел, он — мой.
Твой новый властелин, земля, перед тобой.
Вы, горы и леса, шатер листвы тенистой,
Прохладный свод пещер с водой живой и чистой,
Лужаек полусвет — влюбленных пар приют,
Святыни любви, где радости цветут,
Сад восхитительный с названием Эдема,
Красавицы земли живая диадема,
Исчезните! И пусть вселенной жалкий стон
Встречает месть мою, жестокий мой закон!
Отныне, смертные, над вами я властитель.
Вы, молнии, приход владыки возвестите,
Услышьте, небеса, веления мои!
Вы, шумные моря, вы, грозные огни,
Царите над землей потопом и пожаром!
Стихии, пусть вражда встревожит вас ударом!
Я требую, о смерть, яви свои черты!
Пусть все смешается в провалах пустоты.
Пусть физика теперь, копаясь в тех глубинах,
Блуждает без конца в бесформенных руинах,
Читая с ужасом на камнях и в пыли
Историю людей, историю земли.
Гнездитесь, смертные, в обломках мирозданья!
И да исполнит ад мои предначертанья!
Ормузд мной побежден. Разбит его кумир.

Пусть мир физический и с ним духовный мир
Равно несут ярмо моей жестокой власти.
С рожденья, человек, будь жертвою несчастий.
Пусть голод с жаждою колышут колыбель,
И горе пусть ведет на смертную постель.
Твоим потребностям не будет утоленья,
И в сердце прорастут посева преступленья.
Я правду изгоню и уничтожу честь.
На трон взойдут обман, невежество и месть,
Невинность нежную подавит властно сила,
Чтоб наглость дерзкая над смертными царила.
Жестокий деспотизм, законности сильней,
Испепелит страну, измучает людей.
И жалкий человек, пусть в рабстве изнывает,
О разуме своем все больше забывает!
Беспомощным умом да овладеет сон.
Боязнью скованный, забудет мыслить он.
Пусть ночью разума сменится просвещение,
И вера завершит его порабощенье!
Враждебен будь себе печальных жителей стран.
И суеверие да будет твой тиран!
Под скипетром его кляни свое рожденье;
Вот пища для ума — обман и заблужденье.
Восставший на него узнает мрак темниц
И в пытке перед ним падет, разбитый, ниц.
Безумной верою вы, смертные, горите!
Жрецы! мой жертвенник их кровью обагрите!
Ормузд был слишком добр, и понапрасну он
Желания людей вменил им как закон.
Он смертными был чтим без страха и страданий,
Мой культ суровее — культ горя и рыданий.
Пускай Ормузда мир, что создала любовь,
Велением моим в ничто вернется вновь!
К громовой области он с этими словами
Поднялся, воздух сжав тяжелыми крылами.
На ветер опершись, он в небесах парит,
И беспощадная смерть перед ним летит.
Вот Ариман зажег убийственной рукою
Сернистые пары глубоко под землею.
Вот молнии его все небо бороздят, —
И горы, чьим внизу подножьем служит ад,
Чьи гордые хребты окрестность озирают
И гребни снежные над тучами вздымают,
Увидели кругом бушующий обвал
В потоках огненных, в нагроможденьи скал.
От знойных тропиков до арктики холодной
Неистовый огонь идет, как зверь голодный,
И почву вздутую взрывает каждый час.
Пылают, как костры, и Гекла и Атлас.
И отблеск пламени, далеко отражаем,
Струит ужасный свет над диким этим краем.
Удары грозные низвергнутых громад

Смещают цепи гор и в эхе вновь шумят.
Ужасный рокот их смешаться с громом хочет,
Бушует в небесах и по земле грохочет.
И все потрясено до мировых основ,
И ночь раскинула над солнцем свой покров.
Нет удержу ветрам над грозными волнами,
Вспененные валы сравнялись с облаками:
Повсюду — грозный вид водой залитых стран,
Из берегов своих поднялся океан.
Он злится, он кипит, выходит из провалов,
Где волны слово лишь Ормузда укрывало.
Он воды слил свои с небесною водой.
Все гибнет! Всюду смерть! Преследуем грозой,
Напрасно человек пытается проворно
На дереве спастись иль на вершине горной:
Все выше океан! То смерть приносит он —
И гибнет человек, водою поглощен.

Однако море вновь в свое вернулось ложе,
Небесный гром затих. Волна утихла тоже.
Какой ужасный вид! Где прежде города
Цвели искусствами в счастливые года,
Там удрученный взор увидеть мог отныне
Лишь царство ужаса в безжизненной пустыне.
Тут понял Ариман, что должен он создать
Мир новый, чтобы вновь удары рассыпать.
Воинственных стихий смирил он столкновенье,
Велел он — и земле вернулось населенье.
Надеясь, что, когда день солнечный придет,
Он в новых жителях и новых жертв найдет,
Основы укрепил он вновь под небесами.

Супруги между тем все в том же были храме.
- Кто охраняет нас! — воскликнул Элидор: —
Вселенной больше нет, а наш не меркнет взор.
Мы живы, любим мы. И на обломках мира
Я обладаю всем: со мною Нетзанира.
Отдавшись весь любви, здесь, во дворце цветов,
В обители услад и фантастичных снов,
Забыл я род людской, себя я забываю,
Когда прелестную подругу обнимаю.
На ложе из цветов она так хороша,
Здесь наслаждаются и тело и душа.
И пусть чрез много лет в приют, любимый нами,
Придет старуха-смерть тяжелыми шагами.
Сойдем в могилу мы, не зная про разлад,
И я усну с тобой в объятиях услад.
Надежде сладкой той — твоя любовь залогом.
Любовь — чудесный дар, ниспосланный нам богом,
Чувств опьянение. Дано в ней счастье нам
Путь единственный, ведущий к небесам.
Отведаем ее!

— Ты знаешь, — возразила

Она ему в ответ, — как я тебя любила:
Я мира целого не видела, любя:
Довольно было мне пустыни и тебя.
Моя душа тебе всегда принадлежала
И к горестям людей чувствительнее стала.
И в сердце любящем вдруг новый мир возник,
В нем добродетели открылся мне родник.
Повсюду видишь ты успехи разрушенья.
Мой милый Элидор, мир требует отмщенья.
Ормузда не щадя священных алтарей,
Жестокий Ариман преследует людей.
Безумный гнев его лишь кажется смягченным,
Готовит муки он всем, к жизни возвращенным;
Он гнусных палачей в пороках им нашел —
Стал каждый кузнецом своих же тяжких зол.
Чтобы умножить их, велел он заблуждёнью
Свет истины затмить всему их поколенью.
От Аримана ты людей освободи
И выход из тюрьмы позорной им найди.
Несчастливым смертным ты раскрой свои объятья
И муки их смягчи: ведь это — наши братья.
Будь утешителем божественным для них
И сердцем не тоскуй вдали от ласк моих.
Поверь: уже теперь я сердцем так страдаю,
Разлуку мрачную с тобой переживаю!
Но сердце я должна для новых чувств открыть,
Любовь гуманностью на время заменить.

— Возвышенной любви полно твое решенье,
Не сомневаюсь я, то — неба вдохновенье.
Божественный приказ мне Нетзанирой дан,
И в храмах пусть своих трепещет Ариман!
Я потушу огонь его стрелы громовой,
За счастье на земле вступаю в бой суровый.
Твоим желаньям покорный, как судьбе,
Еще достойнее вернусь я вновь к тебе!

Сказал он — и ушел. Гуманностью влекомый,
Он быстро зашагал дорогою знакомой.
Глазами ищет он те лозы, те поля,
Где радостью цвела счастливая земля;
Где бога легкого любила Флора нежно,
Где почва без труда рождала безмятежно
И зрелые плоды и яркие цветы.
Иные видит он — унылые черты:
Труд отвратительный с натугой и тоскою,
Пот проливает свой, склонившись над киркою;
Чумою, голодом и тысячами зол
Измучен род людской и гибель в них нашел
Эклиптикой стремясь, полдневное светило
Холодные лучи на землю устремило;

Под небом сумрачным чредою сменены
Цветы морозами и стужей — миг весны.

Но Элидор идет все дальше неустанно:
Он хочет здесь узнать законы Аримана
Для новых жителей вновь созданной земли.
Через пустынный край бредя в песке, в пыли,
Он в лес платановый в конце концов заходит
И несколько лачуг у склона гор находит.
Он приближается. С утесистых вершин
Потоки грозные стремятся в глубь долин.
Светило горнее, что раньше так блистало,
Напрасно с высоты льет бледный свет на скалы;
Суровые дубы, владыки рощи той,
Лучам закрыли путь своей листвою густой,
И цепи горные бесплодными скалами
Переплетаются с могучими дубами.
В тех сумрачных местах уныние царит;
А от безлюдности еще ужасней вид.
Собратьям принести желая облегченье,
Утешить горе их, уменьшить их мученье,
Поднялся Элидор на каменный утес,
Что в небо бурное свою главу вознес.
Вот замечает он глубокую траншею,
Что Жадность вырыла и вытянула шею,
Недвижно к золоту свой приковавши взор,
И не отвлек ее вниманья Элидор.
В той местности бродя пустынной и унылой,
Вдруг видит призрак он — то Беспокойство было, -
Себя же гложущий чудовищный фантом,
Что пожран муками и создан вновь потом;
Блуждая взорами, как тень, прошло Сомненье, —
Он прежде не встречал столь мрачного творенья.
День каждый богачей чудовищем смущен,
И жалкий жребий их оплакивает он.
Но вот поднялся он на горную вершину.
Какой ужасный вид! Увидел он равнину
И под знаменами за строем — новый строй;
Там смертный бой идет, там снова пал герой.
Все поле залито сплошной волной кровавой.
И мыслит Элидор: — Бесчеловечной славой
Прельщает воинов жестокий смерти лик.
Найдет ли слабый там защиту от владык?
Нет, то с дружиною сражается дружина,
Чтоб нового найти себе же властелина.

Коль в мире есть еще достойных род людей,
Они скрываются в глуши, у алтарей.
Чтоб счастье отыскать, в места пойду не эти ль?
Ведь там вкушает мир, — сказал он, — добродетель.
Там право и закон исчезнуть не могли,
Хоть изгнаны они из прочих стран земли.
И снова Элидор надежды полн отрадной.
Спустившись вниз с горы, нашел он храм громадный.
Что ж видит он? Увы! Ужасен дом богов:
В нем стены сложены из груды черепов.
Шум слышит Элидор под сводом подземелий.
Там цепи лязгали, и плечи там свистели,
Проклятья и мольбы пронзали тишь ночей,
Сплетались вопли жертв и крики палачей.

- Так что ж, — промолвил он, — пусть молнии удары
Вертеп испепелят огнем небесной кары!
Давно ли смертные врагов нашли в богах?
Кровавые следы — на божеских руках?
Что за преступники там в подземельи в сборе?
Кто там у алтаря? Что вижу я! О горе!
То Аримана храм. Эблис, великий жрец,
Понтифекс и монарх, там царствует, наглец,
Индуска — перед ним, невинное творенье,
Она осуждена жрецами на сожженье.

— Ты на костер взойдешь, — промолвил ей Эблис, -
Но к богу нашему ты прежде обратись.

— Я обращаюсь иль нет — не ты тому свидетель;
Я свято до сих пор хранила добродетель,
Бог благодетельный всегда был мною чтим,
Но лишь в других местах, под именем другим.
Коль благостный твой бог — невинности опора
Не избежит тогда преступник приговора.
Ужели бог добра, чья безгранична власть,
Допустит смертного невинной жертвой пасть?
Он всемогущ, твой бог, так пусть себя проявит.
Он — высший судия и нашим сердцем правит.
Кто в мире избежит его могучих сил.
Не своеволие, нет, — он веру мне внушил.
Ты скажешь: я слепа к божественным приметам, —
Так пусть глаза мои твой бог наполнит светом!
Ты знаешь; веры нам дарован каждый миг
От благодати его, а не мучений злых.
Я знаю все, Эблис, ошибка невозможна!
Владеет интерес твоим усердием ложным,
Весь мир на власть твою уже готов восстать;
Чтоб покорить его, ты хочешь устрашать.
Честолюбивого я жертва устремленья,
К господству ты идешь путями преступленья.

— Велели небеса, — ей возразил Эблис, —
Чтоб крови смертной здесь потоки пролились;
Тебя мой бог избрал для праведного гнева.

— Нет, если на костре сгорю я, — молвит дева, —
То это — твой, Эблис, а не богов приказ!
Твой культ признать святым хочу я в смертный час;
Но если верю горишь ты совершенной,
То отвечай: ужель карает царь вселенной
Невинное мое незнанье божества?
Осудишь ты ль меня — услышь мои слова, —
Коль в странах я жила, отсюда отдаленных,
От этих мрачных мест морями отделенных,
Не зная в простоте, среди обманов злых,
Величья, имени, могущества твоих?
Ты вздрогнул, оскорблен и тенью подозренья.
В глазах обманщика чиста, как ясный день, я,
Помилована я чудовищем таким, —
Так в чем вина моя пред богом всеблагим!
Невинность любит он, наказывает страсти,
Нет равного ему по мудрости и власти, —
Так, значит, бог наш добр. И нечестивец — ты
Ему придал свои жестокие черты!..

— Ты богу даже здесь наносишь оскорбленья!
Да покарает смерть твои богохуленья!
Ужасен Ариман, и жертв его не счесть,
Ты бога моего узнаешь гнев и месть,
Не ограничат их ни время, ни пространство.
Разрушил грозный бог покой и постоянство.
Смерть следует за ним. Костра ужасный вид,
Мной распаленного, навеки устрашит
Безумных тех людей, что мудрствуют спесиво
И вере предпочли свой разум горделивый.

— Как! — молвил Элидор. — Обманщик и злодей
Пятнает небеса жестокостью своей!
Он проливает кровь — и бога то внушенья!
Бежим от алтарей, достойных разрушенья!
Какой-нибудь мудрец навстречу выйдет нам
И добродетели укажет чистый храм.
Он разъяснит, ужель мир покорен войною?
Ужель насилье — бог единый над землею?
И взором Элидор пылливо вдаль проник.
Пещера — перед ним. И вышел вдруг старик.
— Увы, теперь лишь здесь, — в пустыне, в диком гроте, -
Промолвил Элидор, — вы мудреца найдете.
Ужель преступности мир обречен вконец,
Коль роду смертному враждебен стал мудрец?
Быть может, встретил он жестокое гоненье?
Скажите: кто изгнал сюда вас? Преступленье?..

— Мой сын, — сказал старик, — я жил, я был царем;
Как ты, я увидел, что мир испорчен злом.
Я счастья для людей искал, хотел направить
Их к добродетели и правде их наставить,
Но боги не дали ни помощи, ни сил,
И новый неуспех день каждый приносил.
Я опечален был бесцельною работой,
И тронем удручен, где скован был заботой, —
И власть имперскую и скипетр гордый свой
Измерил я тогда могильною плитой.
Все прочее — ничто! А мне судьба слепая
Величье, власть дала, дарами осыпая;
Но ими пресыщен, покинув свет пустой,
В пустыне я нашел целительный покой.
— Так значит на земле забыли век Ормузда?
Да, — отвечал старик, — порок войной разнуздан,
Бесправьем окрылен. Ты видел алтари —
Над ними властвуют злодеев главари.
Нет добродетели! Прошла ее эпоха!
Не думай ныне ей обрадовать и бога.
Пороку предан жрец, и в рвении своем
Лишь суеверье он готов признать добром.
Он право отменил. Духовное растление
Повсюду над слепым царит повиновеньем.
И лицемерный жрец, простря над миром длань,
Не веры требует, но собирает дань.
Сообщники его отныне — боги сами,
И храмы грязными запятнаны руками.
Я кончил речь свою. Внимай мне: скройся прочь!
Собратьям страждущим не в силах мы помочь!
— О старец праведный! в тиши уединенья
Про аримановы забудьте преступленья!
В свое убежище он возвратился вновь,
Где в нетерпении его ждала любовь.
— Жестокий Ариман теперь владыка мира,
И возвращаюсь я, — сказал он, — Нетзанира,
Затем, чтобы забыть ужасный вид тех стран,
Где смертных покорила надменный Ариман.
То зрелище меня преследует повсюду,
Я на груди твоей тоской подавлен буду.
Потопом по земле везде разлит разврат,
Повсюду Ариман распространяет ад.
Я видел там людей, венчавших преступленье,
Я видел там талант в глубоком униженьи,
Несправедливостью он превращен в льстеца;
Над добродетелью — насилье наглеца,
И спор из-за земли царей честолюбивых,
На поле битвы строй их армий горделивых.
Я видел фанатизм. Он возле алтарей
Во имя божества уничтожал людей.
И, перед догмою упавши на колени,
Смирненно ждал мудрец нелепых повелений.

Его слова Ормузд услышал с высоты
И в вихре огненном явил свои черты:

— Залог побед твоих в надежде скрыт, конечно;
Нет, заблужденья ночь, мой сын, не будет вечно,
Поверь, что человек, о, нежный Элидор,
Вновь счастье обретет, что знал он с давних пор.
И коль от истины добро неотделимо,
То благо прежнее опять восстановимо.
Век просвещенья вновь однажды нам вернет
Ушедший счастья век, не знающий забот.
Среди потребностей, чей голос полон власти,
Где Ариман взрастил лишь яблоко несчастий,
Там, где царица-ночь, все глуше и мрачней,
Смотри, взошел росток грядущих ясных дней.
Смотри, потребности, индустрии основа,
Род смертных просветят и жизнь украсят снова,
Они развеют вновь губительный дурман,
В который вверг людей могучий Ариман.
Я вижу: истины уже блестит зарница,
Пусть яркий день далек — ведь ночь не возвратится,
Пусть муки новые гонитель ваш найдет—
Не в силах задержать он солнечный восход.
Всю счастья полноту несет вам день великий,
И буду я для вас единственным владыкой.
Ты, гордый Ариман, свою утратишь власть;
Я знаю: суждено тебе позорно пасть.
Вознесся к небесам ты гордой головою,
Но будешь поражен громовою стрелою.
Из мира изгнанный, ты склонишь долу взгляд;
Я, грозным мстителем, тебя низвергну в ад.
Лишишься трона ты, испепелен громами,
Исчезнет зло, земля сольется с небесами.
Монархи! держите во власти вы своей
Бразды правления и жребии людей;

Так кем вы будете: ужели же друзьями
Дел аримановых? Ормузда ли сынами?
Вы можете стяжать иль славу, иль позор
И возвести на трон любовь или террор;
Вы можете (рассказ я вел для поученья)
Заботливой рукой ввести в свои владенья
День яркой истины иль заблужденья ночь,
Приблизить счастья век или отбросить прочь.
Из этих двух путей пойдете вы единым —
Какой из двух богов вам будет господином?
О ты, чей дивный вид и благосклонный взгляд
Искусства создали и гения живут!
Ты наши радости украсила венками,
Минервы лаврами и Грации цветами!
О Афродиты дочь! талант мой вдохнови
И музы песнь моей холодной оживи!
Сам гений, слыша глас Аспазии нетленной,
На крыльях воспарит, любовью вдохновенный.
Владычица! весь мир тобою восхищен,
И нравится тебе — единый мой закон.
И ты, прелестный пол, ты встарь вооруженье
Давал сынам войны, вступающим в сраженье.
Так пусть сынов своих увидит Аполлон
В твоих объятиях! Что славы громкий звон!
В последний раз привет! Красавицы, прощайте!
Вы не героев, нет, а мудрых вдохновляйте!